

К КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ СЛОВА «ХАРАКТЕР» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА¹

А. А. Фаустов, С. В. Савинков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июня 2011 г.

Аннотация: обосновывается подход к изучению смысловой динамики слова как элемента литературного текста, отграничиваемый и от истории концептов, понятий, идей, и от истории семантики слова как языковой единицы. Объектом исследования служит слово «характер», являющееся ключевым для нескольких эпох русской литературы. Ближайшей целью статьи является демонстрация на нескольких примерах судьбы одного из значений лексемы «характер», восходящего к «теофрастовской» парадигме понимания характера в европейской культуре.

Ключевые слова: характер, семантика, слово, история, литература, культура, эпоха.

Abstract: the article substantiates the conceptual approach to the study of the semantic dynamics of a word as an element of a literary text, separated both from History of concepts, conceptions, ideas, and from History of the semantics of a word as a linguistic element. The object of investigation is the word «character», a key word for a few periods of Russian literature. The immediate aim of the article is to demonstrate through a few examples the destiny of one meaning of the lexem «character», which goes back to «theofrast» paradigm of understanding character in European culture.

Key words: character, semantics, word, history, literature, culture, epoch.

В статье (в которой мы по необходимости ограничимся общими декларациями и несколькими примерами) пойдет речь о слове, семантический облик которого в современном русском языке отличается явной стертойостью. Сказать, к примеру, «события приобрели необратимый характер» равносильно тому, чтобы сказать «события приняли необратимое направление» или «события сделались необратимыми», или «события приобрели необратимость». Слово сочетание «приобретать характер» без труда замещается при трансформации высказывания теми или иными «бесхарактерными» эквивалентами. И это свидетельствует о том, что слово «характер» выполняет здесь «упаковочную» функцию, слабо соотносясь даже с наиболее широким из фиксируемых академическим словарем значений – «совокупность определяющих свойств какого-нибудь предмета, физического или психического явления, его типические черты» [1, стлб. 38]. Семантика «характера» как бы адаптируется к контексту высказывания (и в первую очередь – к своему определению), так что в приведенном примере лексема «характер» воспринимается всего лишь как одно из возможных обозначений «векторности» развития событий.

Между тем подобная «технизация» смысла (в понимании В. И. Абаева) занимающего нас слова – яв-

ление достаточно позднее; его можно датировать рубежом XIX – XX столетий. И в предполагаемом исследовании мы как раз попытаемся проследить культурно-историческую судьбу «характера» на русской почве в XVIII – начале XX в. Но сначала приведем несколько предварительных уточнений, касающихся того, что именно и как именно мы будем исследовать. Подчеркнем еще раз, что нас будет интересовать история слова «характер» в русской литературе указанного периода. И это подразумевает двойную демаркацию объекта разысканий. С одной стороны, его следует отграничить от истории понятия концепта «характер», т.е. представлений о характере, воплощенных в языковой материи и напрямую мотивированных изменяющимися вместе с динамикой социокультурного контекста характерологическими идеями и интуициями. С другой стороны, различительную линию необходимо провести между описанием лексемы «характер» как языкового факта и как факта литературного: в первом случае о семантике слова можно судить по его словарным дефинициям и по употреблению (особенно – по кругу тех лексических сочетаний, в которые «характер» вступает); во втором случае к выявлению подобной семантической компетенции добавляется изучение функционирования лексемы в литературном тексте, где она может получать «рабочие» определения (из уст различных субъектов речи), занимать отмеченное место – прежде всего в составе заглавий (благодаря чему озаглавленное оказывается одним большим «означаемым» словом), получать мотивную развертку и т.д.

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Универсалии русской литературы (XVIII – начала XX в.)» 2.1.3/12071, поддержанного грантом Министерства образования и науки РФ.

© Фаустов А. А., Савинков С. В., 2011

Разумеется, границы эти нельзя считать непроницаемыми. Так, внутритекстовые дефиниции «характера» (равно как и его словарные определения) не являются целиком независимыми от философских, психологических и прочих концепций характера, а иногда и непосредственно восходят к ним. Некоторые же языковые конструкции с участием этой лексемы – вроде устойчивых словосочетаний или столь же «идиоматизировавшихся» дублетных пар однородных членов – могут отпечатлеваться в себе (и тем самым переводить в «бессознательное», автоматизированное состояние) «характерологическую» рефлексию и одного, и другого типа. Вообще, текст выступает в роли универсального медиатора между ментальными и языковыми структурами, осуществляющего и регулирующего их взаимопревращения, а потому внимание к слову как к элементу текста с неизбежностью предполагает – в той или иной степени – обращение к ним обеим.

В силу этого далее по мере необходимости учитываются разного рода данные о «характере», но главным источником служат все же литературные тексты – по преимуществу художественные и публицистические. Ядро их, подвергнутое сплошному просмотру, образует электронная база текстов, подготовленная в рамках проекта «Универсалии русской литературы (XVIII – начала XX в.)». Тексты общим объемом более 43 миллионов словоформ принадлежат 112 авторам, распределенным – с известной долей условности – по пяти литературным эпохам (более полные данные см. [2]). В основе такой периодизации лежит культурно-семиотическое понимание поколения: 1) классическая эпоха – созданная писателями, даты рождения которых колеблются вокруг 1739 г.²; 2) эгегическая / романтическая эпоха – созданная писателями, даты рождения которых колеблются вокруг 1796 г.; 3) критическая эпоха – созданная писателями, даты рождения которых колеблются вокруг 1817 г.; 4) реалистическая эпоха – созданная писателями, даты рождения которых колеблются вокруг 1839 г.; 5) модернистская эпоха – созданная писателями, даты рождения которых колеблются вокруг 1877 г.

Любопытна уже лингвостатистическая картина истории «характера». Относительные частоты употребления этой лексемы изменяются от эпохи к эпохе следующим образом: 1) $0,9 \cdot 10^{-4}$; 2) $1,87 \cdot 10^{-4}$; 3) $3,13 \cdot 10^{-4}$; 4) $2,7 \cdot 10^{-4}$; 5) $1,11 \cdot 10^{-4}$. Как мы видим, от классической эпохи к критической величина эта возрастает в геометрической прогрессии, затем слегка снижается, а в модернистскую эпоху резко падает, почти до первоначального уровня. Интенсивный подъем в первой половине цикла можно объяснить,

² Максимальная амплитуда отклонений «в одну сторону» может превышать 30 лет, но в среднем равна 11 годам.

конечно, тем, что слово «характер» лишь в XVIII в. проникает в русский язык. Но не менее важна мутация значений, поддерживающая этот процесс. Фиксируемые словарями ранние значения лексемы «характер» в русском ее бытовании во многом копируют семантику ближайшего – польского («должность», «наружное достоинство, чин, сан, титул») [3, стлб. 1082; 4, с. 223] – и более отдаленного – греческого («начертание, знак написанный или вырезанный» [5, с. 92] и пр.) слов-прототипов. Однако подобные смыслы как таковые в русском литературном языке не приживутся (хотя и дадут весьма ощутимые коннотативные рефлексы – ср., например: формульное словосочетание «черта характера»), а в исследованном массиве текстов ни разу не встречаются.

Развитие семантики «характера» в русской литературе пойдет по другому пути или, вернее, по нескольким другим – отчасти параллельным, отчасти пересекающимся – путям. Один из первых контекстов употребления слова – предисловия А. Д. Кантемира к начальным редакциям первой и пятой сатир (1731): «...я никого партикулярно себе не представлял, когда писал характеры, в сей сатире содержащиеся; и, оуждая злонравие, не примечал злонравного»; «...все характеры, которым я смеюся, суть злых, а не добрых людей характеры, и все стрелы мои летят на злонравных, а добронравие (и потому и добронравных)... хвалю и почитаю» [6, с. 361, 393]. Характер здесь – имеющее либо отрицательный, либо положительный знак моральное качество или состояние, «нрав» (который в словаре Академии Российской и толковался, в частности, как «...наклонность, расположение к чему-нибудь доброму или порочному» [7, стлб. 558]). Но помимо этой базовой семантики в цитированных высказываниях есть и нечто другое. Характеры – прежде всего различные виды злонравия, что сполна подтверждается самим набором героев Кантемира – по большей части олицетворений тех или иных пороков, страстей – и что как раз вынуждает автора прибегать к превентивным оправданиям. При этом характерам в сатире не соответствуют никакие единичные их носители за пределами текста, так что характер вдобавок – обобщенное, типизированное свойство, легисигнум, а не синсигнум (в терминах Ч. С. Пирса). Наконец, между характером и его «собственником» обнаруживается весьма двусмысленное соотношение: сначала они различаются, а затем позиционно уподобляются (высмеивание характеров обращается в сатирический «обстрел» злонравных). Поэтому «писать характеры», «смеяться характерам» может прочитываться и как «писать героев», «смеяться героям».

Понимание характера как отвлеченного свойства, обычно негативного, аномального по сравнению с моральной нормой, восходит в конечном итоге к

«Характерам» Теофраста и «Характерам, или Нравам этого века» Ж. де Ля Брюйера, в которых была канонизирована и соответствующая семантика слова «характер» (*charaktēr, caractère*)³. Учитывая же «портретную» композицию произведений, в них можно усмотреть, кроме того, некоторое основание для отождествления характера и героя: вынесенное в заглавие слово выступает своеобразным родовым именем для выводимых в зарисовках лиц. И оба этих момента – оценочный и референтный – не останутся случайными и эпизодическими ни для русского языка, ни для русской литературы (уточним, что цитированные тексты Кантемира будут опубликованы более столетия спустя после их написания, а потому ни о каком влиянии говорить здесь не приходится).

Первый момент (на котором мы и остановимся) задаст модель образования субстантивных словосочетаний с «характером» и тем или иным оценочным прилагательным. В классическую эпоху мы встречаемся с *характерами – дурными, добродетельными, прекрасными, наилучшими, изящнейшими, интересными*; в элегическую / романтическую эпоху ряд этот только расширится и включит в себя *характеры – дурные, злые, низкие, ничтожные, противные, добрые, благородные, замечательные, великие, величественные*. Тенденция к росту разнообразия сохранится и в две следующие эпохи. Один лишь Ф. М. Достоевский, у которого число субстантивных и глагольных словосочетаний с «характером» вообще достигает апогея по относительной частоте, знает *характеры – скверные, ничтожные, пустые, мелкие, благородные, приятные, прекрасные, изящные, симпатичные, высокие, превосходные, необыкновенные, любопытные*. А среди наиболее востребованных в этот период атрибутов «характера» можно назвать такие, как *дурной, благородный, хороший*. И на подобном фоне вдвойне выделяется модернистская эпоха, когда серия аксиологических словосочетаний предельно сузится до *характеров – дурных, ужасных, скверных, хороших*.

Отметим также постепенные метаморфозы предмета оценочного суждения. Во-первых, это нарушение баланса между этическим элементом (*добродетельный, добрый, злой*) и элементом эстетическим (*прекрасный, изящнейший(-ый), благородный*) – в пользу последнего. Во-вторых, это непосредственно связанная с таким перекосом экспансия в начале XIX столетия «геометрической», размывающей этический знак аксиологии характера (*низкий, высокий, ничтожный, величественный* и т.д.) – побочный результат выдвигания на авансцену литературы и культуры учений о возвышенном и диалектики необыкновенного и обыкновенного [9, с. 218–224]. Открытие

двусоставности эстетического (прекрасное и возвышенное, а вслед за ними – безобразное и низменное) подорвало паритет между эстетическим и этическим. В-третьих, это смещение центра тяжести с определения свойств характера самих по себе на то, как они проявляются в поведении субъекта и в реакции на них⁴: то, что в классическую эпоху было лишь частью аксиологического ряда (*дурной, наилучший, интересный*), в эпоху модернистскую заполнит этот ряд целиком (*дурной, ужасный, скверный, хороший*). Общий же вектор таков, что предмет оценки шаг за шагом утрачивает конкретность и все больше отдается на откуп оценивающему субъекту. (Забегая вперед, добавим, что такой крен в сторону субъекта может считаться одной из причин «технизации» смысла лексемы «характер».)

«Теофрастовский» импульс (в различных его преломлениях) не исчезнет и из позднейшей, далеко отстоящей от Кантемира русской литературы. Один из наиболее интересных примеров этого – нереализованный замысел Л. Н. Толстого, относящийся к 1910 г. и зафиксированный в дневнике и записных книжках: «Всем Равно – заглавие очерков характеров»; «Во «Всем равно» изображать характ[еры] как крестьян, так и богатеев» [13, с. 96, 209] (из этих очерков была написана только одна «сказочка», заглавие которой дало название всему предполагавшемуся циклу). О том, что должна была представлять собой подобная галерея характеров, отчасти свидетельствуют три перечня (датируемые примерно месяцем ранее приведенных записей и в двух случаях почти полностью совпадающие). Они включают прямые и перифрастические обозначения характеров (вплоть до использования собственных имен) или сопряженных с характерами мотивов, иногда распространяемые за счет сжатых пояснений, своего рода «девизов» и т.п. При этом, впрочем, Толстой один список не снабжает никакими генерализующими будущие портреты именами, а в двух других регулярно прибегает к слову «тип» и под занавес произносит резюмирующее: «Нет конца этим чувствуемым мною

⁴ При всей проблематичности такого различия (вызванной, не в последнюю очередь, многозначностью соответствующих прилагательных), представляется, что, к примеру, «добрый характер» и «хороший характер» имеют различную логическую структуру. Говоря о том, что характер – *добрый*, мы приписываем ему обладание качеством «доброты»; называя же характер – *хорошим*, мы подразумеваем, что не ждем от него ничего плохого, как бы отвлекаясь при этом от вникания в его природу. В первом случае мы идем в вынесении оценки от причины, а во втором – сразу сосредоточиваемся на следствиях (ср. диалог в посвященном М. О. Гершензону очерке В. Ф. Ходасевича (1926): «Еще в начале знакомства он вдруг спросил: // – У вас хороший характер? // – Неважный. // – Ну, значит, скоро поссоримся: у меня ужасный характер. Вот вы увидите» [10, с. 103]). Ср. в этом плане интересные соображения об оценочной семантике прилагательных [11], [12].

³ Ср. также о роли многочисленных «посредников» в передаче этой традиции (автор, правда, не учитывает лексическую сторону дела) [8, с. 166–170 и др.].

типам» [13, с. 82, 196]⁵. Вот несколько образчиков толстовской «характерологической» номенклатуры (разнящихся и по своей композиционной оформленности): «1) Тип ученого, 2) тип честолюбца <...> 6) разбойника, в принятых пределах, 7) в непринятых, 8) правдивого человека, но в обмане...»; «...2) Художник музыкант, все для славы, никакого ни религиозного, ни нравственного сознания. // 3) Кокетка. *J'ai été admirable.* // 4) Слабая чувственная распутная <...> // 8) Тупой православ[ный]. *Ach wenn es nur immer so bliebe* <...> // 12) Министр достиг положения и держится <...> // 14) Революц[ионер] всех ненавидит и ненавидит...»; «...3) Суеверие науки. // 4) Ищет правды <...> // 6) Стенька Разин <...> // 9) Работник любит труд <...> // 16) Мать. // 17) Работница. // 18) Художница...» [13, с. 82, 192–193].

По набору фигур этот ряд периодически сближается с персонажными реестрами физиологий, однако преобладающая критическая (а не описательно-классифицирующая) установка и аналитическая нацеленность на выхватывание отдельных особо рельефных черт характеров-типов выдает его принадлежность к «теофрастовской» традиции. В этом плане весьма знаменательно, что в записи, сделанной на следующий день после появления одного из цитированных каталогов «типов», говорится: «Читаю Лабрюёра» [13, с. 83] (французского моралиста Толстой читал и раньше: одно из первых упоминаний об этом приходится на 1870 г.). Не менее показательно толкование самого слова «характер», которое мы находим задолго до этого в толстовских записях 1879 г.: «Нрав = то, что нравится и не нравится. Уже, чем характер, то, что остается от характера = обычай, чтобы выразить характер = нрав и обычай. Вполне характер – склад» [14, с. 355]. Оставляя на будущее обсуждение того, какое место в толстовском понимании характера занимает «обычай», обратим внимание на «несловарную» – субъективно-оценочную – интерпретацию «нрава».

Достаточно красноречиво здесь и слово «склад», встречающееся в том числе у Толстого и в составе устойчивого выражения «склад характера». Если ограничиться данными словаря В. И. Даля (от которых толстовское словоупотребление, насколько можно судить, удаляется не слишком сильно), то одна из

серии значений этой лексемы центрируется вокруг идеи стройности, соразмерности, соотношения частей [15, с. 197]. «Склад» есть сложноустроенное, собранное из элементов целое (недаром в другом значении «склад» – это еще и сложенные на сохранение вещи, и само место, где они складываются), и такая дифференциально-суммирующая интенция в высшей степени соответствует, к примеру, представлению о характере в английской моральной эссеистике, также принадлежащей к «теофрастовской» линии в европейской литературе. Сошлемся лишь на два столь непохожих, относящихся к различным культурным эпохам и при этом необычайно популярных произведения, как «Письма к сыну» лорда Честерфилда (1774) и «Застольные беседы» У. Хэзлита (1821–1822, 1825). В XLIX письме (5 сентября 1748) из первого произведения и в очерке «О постижении характера» («On the Knowledge of Character») из второго почти одинаково говорится о том, что человек – композиция, состоящая из множества элементов-ингредиентов, и «бесконечное разнообразие характеров» определяется именно тем, как подобные элементы соотносятся и комбинируются друг с другом. И напомним в параллель к сказанному, что одно из наиболее ранних, возникших в середине XVIII в. глагольных словосочетаний с «характером» в русском языке – «составлять характер» – основывается на близкой интуиции.

Этот небольшой экскурс позволяет предположить, что семантическая история «характера» отличается кумулятивной природой. Значения, однажды возникнув под влиянием того или иного культурно-семиотического и литературного контекста, затем частично адаптируются языком (прежде всего за счет образования устойчивого круга лексических сочетаний) и, нередко утрачивая свою актуальность, сохраняются в качестве «технической», но не теряющей до конца способности к реактивации – в благоприятствующих этому литературных условиях – языковой оснастки. Так что переход от эпохи к эпохе и от автора к автору сопровождается не появлением одних и исчезновением других смыслов, а их умножением и передислокацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь современного русского литературного языка. – М. ; Л., 1965. – Т. 17.
2. Кретов А. А. Лингвостатистическая генеалогия в русской литературе XVIII – начала XX в. / А. А. Кретов, М. В. Катов, А. А. Фаустов // Проблемы компьютерной лингвистики. – Воронеж, 2010. – Вып. 4.
3. Яновский Н. М. Новый словотолкователь / Н. М. Яновский. – СПб., 1806. – Ч. 3.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – СПб., 1996. – Т. 4.

⁵ Оставляя за скобками чрезвычайно сложный вопрос о функционально-семантическом соотношении лексем «тип» и «характер», заметим, что, скажем, в русском физиологическом очерке середины XIX в. слово «характер» не фигурирует. Столь же симптоматично, с другой стороны, что лексеме «тип» отдается предпочтение перед лексемой «характер» и в таких различных по направленности фундаментальных «характерологических» текстах начала XX столетия, как «История русской интеллигенции» Д. Н. Овсянко-Куликовского (1903–1911), «Имена» П. А. Флоренского (1923–1926) или «О личности» Л. П. Карсавина (1929).

5. *Алексеев П. А.* Церковный словарь / П. А. Алексеев. – 4-е изд. – СПб., 1819. – Ч. 5.
6. *Кантемир А. Д.* Собр. стихотворений / А. Д. Кантемир. – Л., 1956.
7. Словарь Академии Российской. – СПб., 1793. – Ч. 4.
8. *Щеглов Ю. К.* Антиох Кантемир и стихотворная сатира / Ю. К. Щеглов. – СПб., 2004.
9. *Савинков С. В.* Аспекты русской литературной характерологии / С. В. Савинков, А. А. Фаустов. – М., 2010.
10. *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч. : в 4 т. / В. Ф. Ходасевич. – М., 1997. – Т. 4.
11. *Ноуэлл-Смит П. Х.* Логика прилагательных / П. Х. Ноуэлл-Смит // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16.
12. *Хэар Р. М.* Описание и оценка / Р. М. Хэар // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16.
13. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. ; Л., 1934. – Т. 58.
14. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1952. – Т. 48.
15. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 1982. – Т. 4.

Воронежский государственный университет

Фаустов А. А., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XIX в.

E-mail: aafaustov@list.ru

Тел.: 8 (473) 220-84-98

Савинков С. В., доктор филологических наук, профессор

E-mail: svspoint@yandex.ru

Тел.: 8-905-658-56-48

Voronezh State University

Faustov A. A., Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Literature of 19th Century

E-mail: aafaustov@list.ru

Tel.: 8 (473) 220-84-98

Savinkov S. V., Doctor of Philology, Professor

E-mail: svspoint@yandex.ru

Tel.: 8-905-658-56-48